

Хань Дуй тут же изложил матери свою теорию о том, что враг его врага — друг. Чэнь Юэсян согласно закивала:

— Твоя правда, сынок, всё сходится. Твоя старшая тётушка отвела душу, вот и расщедрилась на белый мантоу.

Утренний скандал, который закатила свекровь, ничуть не испортил Чэнь Юэсян настроения. Ещё перед свадьбой мать передала ей проверенную временем житейскую мудрость: бабья доля — она такая, поплакала, покричала, а после бури живи как жила, пей да ешь. Случись хоть потоп, а коли баба сытно ест да крепко спит, то и проживёт долго. Умная женщина способна лаяться со свекровью да невестками, не отрываясь от обеда: язык пускай мелет, а к сердцу обиду подпускать нельзя.

Юэсян унаследовала эту материнскую науку в совершенстве.

Подумаешь, старуха прибежала пошуметь! Сама же в итоге локти кусала от злости. Зато её собственный сынок — умница и гордость семьи — просто прогулялся по деревне и принёс домой белый мантоу от записного скряги.

От этих мыслей на душе у Чэнь Юэсян стало совсем тепло, и она тихонько замурлыкала под нос весёлый мотив. Раз уж день выдался удачным, хозяйка решила побаловать семью: к обеду пожарила чесночные стрелки с яйцом. Правда, яйцо было всего одно, зато стрелок — целая гора на огромном блюде.

Хань Дахуа и Хань Ган к обеду не вернулись. Хань Дуй мельком поинтересовался, где они, на что Чэнь Юэсян лишь отмахнулась:

— Не думай о них, лбы здоровые, голодными не останутся.

— Отец у дяди Дашаня, — отозвалась Хань Мэй, — а старший брат ушёл в деревню семьи Лю.

Хань Дуй кивнул и развивать тему не стал — судьба этих двоих его мало заботила. Он аккуратно разделил пышный белый мантоу на четыре равные части. Свежая выпечка вприкуску с жареными чесночными стрелками казалась невероятным деликатесом. Хотя врачи и твердят о пользе грубых злаков, чистая пшеничная мука всё равно несравнимо вкуснее.

Победавав, по настоянию Хань Дуя все тщательно прополоскали рот и уселись за стол держать совет.

— Мама, — заговорил Хань Дуй, — я хочу сходить с сестрой Мэй в коммуны, к директору Ян из Федерации женщин. Пусть приструнит бабушку и проведёт с ней разъяснительную работу.

Чэнь Юэсян засомневалась:

— Да разве станет она в чужом грязном белье копаться? Своих забот мало?

— Должна, — уверенно возразил юноша. — О ней говорят как о человеке идейном и преданном делу. То, что устраивает бабушка, — чистой воды навязанный брак по сговору. Это прямое нарушение государственной политики, как раз по ведомству Федерации женщин.

Юэсян промолчала, взвешивая его слова.

Хань Мэй испуганно перевела взгляд с брата на мать:

— Сяо Жуй, а что я ей скажу? Я же и двух слов связать не умею, оробею сразу перед начальством...

— Ничего страшного, — успокоил её брат. — Я научу.

После обеда Хань Дуй с удовольствием вздремнул часок, чтобы освежить голову, а затем устроился во дворе с книгой. Ближе к вечеру они с сестрой уселись под навесом чистить арахис. Пальцы шелушили сухие стручки, а юноша терпеливо вбивал в голову Хань Мэй план действий:

— Говори чистую правду. Если забудешь, что говорить дальше, — просто плачь. А я в нужный момент вступлю и помогу.

Он повторил это напутствие несколько раз, пока Мэй не заучила всё назубок, хотя страх перед завтрашней встречей в её глазах так и не угас.

— Сяо Жуй, спасибо тебе, — растроганно прошептала она. — Ты так заботишься обо мне.

— Глупости, ты ведь моя старшая сестра, — улыбнулся Хань Дуй. — Кому же ещё помогать, если не тебе?

Хань Мэй невольно вспомнила старших братьев и грустно опустила голову.

«У нас один отец, но почему же они такие разные?»

Немного поработав и почитав, Хань Дуй принялся наводить порядок в своей комнате. Он безжалостно выгреб кучу накопившегося хлама и вынес во двор, но тут же попался на глаза Чэнь Юэсян. Та разразилась бранью, обозвала его расточителем, и большую часть «сокровищ» пришлось затащить обратно.

Тем не менее после уборки в комнате стало просторнее и светлее.

Ближе к вечеру мать с сёстрами прихватили шитьё и ушли судачить к соседям. В опустевшем тихом дворе Хань Дуй распахнул настежь дверь, лова лицом прохладный сквозняк, и углубился в чтение «Дневника Лэй Фэна». Старый пёс Дахуан, набегавшись за день, развалился у его ног. Юноша зарылся босыми ступнями в тёплую пушистую шкуру собаки — было уютно и спокойно.

Идиллию нарушало возвращение Хань Гана и отца.

Старший брат влетел во двор взъерошенный и злой, точно цепной кобель. Едва завидев Хань Дуя, он брызнул слюной:

— Ах ты паршивец! Стоило мне уйти, как ты тут делов наворотил! Говорят, ты бабушку до беспамятства довёл?!

Хань Дуй лишь лениво повёл плечом и смерил его презрительным взглядом:

— Голова тебе дарована исключительно для того, чтобы шапку носить? Бабушка наша — гроза трёх окрестных деревень, тридцать лет державшая в страхе всю производственную артель. У неё нервы из оружейной стали выкованы, а ты веришь, будто её может довести до обморока какой-то зелёный юнец?

Лицо Хань Гана налилось багровой краской. Ему до зуда в кулаках хотелось съездить по этой холёной, чересчур белой физиономии.

Кое-как сдержав порыв, он резко развернулся к притихшему отцу:

— Отец! Ты собираешься урезонить этого мерзавца или нет? Он пожилую женщину чуть в могилу не загнал! Тебе самому-то не совестно будет, когда вся деревня начнёт пальцами в нас тыкать за такое сыновнее непочтение?

— Давай-ка разберёмся, старший брат, кто из нас двоих на самом деле неблагодарный выродок, — звонко перебил его Хань Дуй. — Ответь мне: кто вознамерился сбыть родную сестру слабоумному калеке? Кто внёс раздор в дом и заставил родителей грызть друг другу глотки? Из-за кого соседи плюют в сторону нашей семьи? И по чьей вине твой младший брат едва Богу душу не отдал от истощения? Всё ты, Ганцзы, всё твоих рук дело! И у тебя ещё поворачивается язык винить меня? Кожа у тебя на щеках, видать, толще, чем у буйвола, раз ты смеешь тут права качать.

Ослеплённый яростью Хань Ган перехватил поудобнее стоявшее у стены коромысло и замахнулся. Хань Дуй среагировал мгновенно: подхватил тяжёлую табуретку и юркнул за спину Хань Дахуа.

— Бей! — крикнул он из-за отцовского плеча. — Давай, пришиби меня прямо тут, облегчи душу!

Хань Ган застыл с поднятым коромыслом, не зная, что делать.

Хань Дахуа насупился и зычно рявкнул:

— Олух! А ну опусти дрючок! Совсем страх потерял, на брата с оружием кидаться? Похоже, у кого-то спина давно палки не чуяла!

Старший сын, не раз битый отцовской рукой, мигом растерял весь свой пыл и покорно опустил коромысло.

— Отец, ты бы приструнил его, — вставил свои пять копеек Хань Дуй. — Нас у тебя трое сыновей. Но посмотри на старшего — разве от такого дождёшься стакана воды на старости лет? Второй брат — эгоист до мозга костей, из дома носа не кажет, отирается у Третьего дяди, точно приёмш. На него тоже надежды мало. Единственный, кто у тебя остался — это я. Не дай бог со мной что случится, мама ведь с тобой ни дня жить не станет, соберёт вещи и уйдёт. И что тогда делать будешь? На старости лет новую жену искать?

Хань Дахуа насупился пуще прежнего. Слова младшего сына, как ни странно, попали в самую точку. Старший — бестолковый, средний — чужой, и впрямь уповать остаётся лишь на этого шельмеца.

Хань Ган скрежетал зубами от бессильной злобы. Слов против извортливого языка Хань Дуйа у него не находилось, а распускать кулаки при отце он не смел.

В глухом отчаянии он вдруг размахнулся и со всей силы влепил самому себе пару звонких пощёчин.

Хань Дуй молча наблюдал за этой сценой. Надо же, кино и немцы: у человека действительно сорвало резьбу. Мешать самобичеванию он, разумеется, не стал — каждый развлекается как может.

Извив самого себя, Хань Ган разразился горячими слезами и со всех ног бросился со двора.

— Все вы за одно! Шпыняете меня, ребёнка без матери! К бабушке уйду, она хоть пожалеет! — донёлся из-за калитки его надрывный вой.

Хань Дахуа даже не попытался его остановить. Голова у мужчины раскалывалась от семейных неурядиц, так что он просто ушёл в дом и повалился на кан.

Хань Дуй заварил чаю и отнёс отцу.

— Попей чаю, отец. Я понимаю, каково тебе сейчас. Все мы твои дети, всех жалко. Но наш

учитель в школе часто говорил: настоящий мужчина и глава семьи должен уметь расставлять приоритеты. Подумай хорошенько, готов ли ты сгубить жизни дочерей и младшего сына ради капризов старшего, или всё-таки заставишь его умерить аппетиты? Решать тебе.

Не дожидаясь ответа, он поставил пиалу у изголовья и тихо вышел.

Перед самым ужином вернулись женщины.

Узнав, что старший сын со слезами укатил к родне по материнской линии, Чэнь Юэсян лишь фыркнула:

— Туда ему и дорога. Хоть в доме потише станет, без его вечных истерик.

Однако Хань Мэй приуныла. Одной вздорной старухи Хань хватало с головой, а если теперь против неё ополчится ещё и тёща отца, пиши пропало.

Хань Дуй тоже ломал голову над этой дилеммой.

«Эх, будь сейчас эпоха рыночных реформ, всё решилось бы в один миг. Купил сестре билет на поезд до Шэньчжэня или Гуанчжоу, отправил на юг работать на фабрику — и пускай деревенские родственники ищут ветра в поле. Но в семидесятые годы без маршрутного листа и направления от коммуны шагу ступить нельзя, все привязаны к своей земле мёртвой хваткой...»

Но раз уж впрягся в телегу, отступать некуда.

— Сестрица Мэй, — твёрдо произнёс он, — завтра на рассвете идём в коммуну к директору Ян. Если и она не поможет, дойдём до секретаря парткома коммуны.

Многолетний опыт подсказывал ему, что простые крестьяне до смерти боятся любого начальства. Старуха Хань, при всей своей спеси, перед грозным оком партии тоже стелиться будет шёлком.

Хань Мэй до боли сжала кулаки и решительно кивнула:

— Хорошо, я пойду с тобой.

Младший брат ради её спасения лез из кожи вон, и раскисать сейчас было бы верхом неблагодарности. Подумаешь, какая-то чиновница из Федерации женщин! Прорвёмся.

Ужин прошёл в молчании, после чего все разошлись по своим углам.

На следующее утро брат с сестрой поднялись ни свет ни заря. Хань Дуй тщательно умылся и достал свой лучший выходной наряд: отутюженные армейские брюки защитного цвета, белоснежную рубашку и щегольскую брезентовую сумку-планшет через плечо.

Чэнь Юэсян, окинув взглядом ладного подтянутого сына, так и расплылась в улыбке:

— До чего же хорош у меня Сяо Жуй, любо-дорого посмотреть! Настоящий комсомолец.

Мать залезла под матрас, выудила горсть звенящей мелочи и вложила в ладонь сына. Хань Дуй так и просиял:

— Ого, сколько богатства! Спасибо, матушка!

Чэнь Юэсян шутливо шлёпнула его по плечу:

— Раскатал губу! Это тебе не на сладости. Зайдешь по дороге в лавку снабжения, купишь брусок мыла да десяток коробков спичек. Сдачу принесешь до копейки.

Юноша аккуратно припрятал деньги в карман, и они с Хань Мэй двинулись в путь.

У деревенского тока, на самом выезде, всю кипела утренняя жизнь — свободные от наряда крестьяне сбились в кучки, обсуждая последние сплетни.

— Эй, молодёжь, куда это вы спозаранку намылились? — окликнул их кто-то из толпы.

Хань Мэй приветливо кивнула:

— Доброе утро, тётушка. В коммуну идём, в лавку за покупками.

Хань Дуй тоже вежливо со всеми раскланялся.

Обычный утренний обмен любезностями на этом бы и закончился, но из круга мужиков донёсся ядовитый голосок:

— Полно тебе, Мэйцзы! Сяо Жуй, вы небось в деревню семьи Лю торопитесь — на зятя будущего поглядеть? И то верно, съездите, познакомьтесь, да и свадьбу поскорее сыграете. Девка в доме — товар залежалый, чем раньше с рук сбудешь, тем спать спокойнее, ха-ха-ха!

При упоминании проклятой деревни Хань Мэй мгновенно побледнела.

Хань Дуй резко затормозил и медленно повернул голову к остряку. Им оказался Ли Инъань, двоюродный дядя капитана Ли Маньфу.

Этот тип, разменявший шестой десяток, смолоду славился дурным нравом, а к старости и вовсе превратился в брюзгливого мерзавца, обожавшего поучать молодёжь с высоты своих прожитых лет. К тому же старик был труслив, до дрожи в коленях боялся болезней и смерти, избегая любых намёков на загробную жизнь.

Вражда между семьями Ли и Хань тянулась поколениями, так что собравшиеся на току крестьяне тут же притихли, предвкушая знатную потасовку.

Хань Дуй расплылся в самой обезоруживающей, сладкой улыбке:

— Дедушка Ань, следуя вашей железной логике, все мы рано или поздно отправимся на тот свет. Что же вы сами-то не торопитесь примерить сосновый гроб? Чего зря время тянуть?

Ли Инъань так и подскочил на месте, словно его оса ужалила. Лицо его пошло пятнами.

— Щенок! — взвизгнул он, тыча в юношу костлявым пальцем. — Мал ещё старшим хамить! Чему вас только в этой вашей школе учили? Похоже, все государственные учебники ты псу под хвост скормил!

— Ну, положим, мне всего восемнадцать, вся жизнь впереди, — с готовностью парировал Хань Дуй, ничуть не растерявшись. — А вот вам, дедушка Ань, уже за шестьдесят перевалило, верно? И мне искренне любопытно: как человек, проживший на белом свете шесть десятков лет и так и не наживший ума, смеет открывать рот на тему чужого воспитания? Или ваши годы тоже ушли коту под хвост? Надо же, какие у нас в деревне коты долговечные да суеверные пошли!

В толпе послышались сдавленные смешки, мужики начали переглядываться и подталкивать друг друга локтями.

Не давая старику опомниться и вставить слово, Хань Дуй скорбно вздохнул и сокрушённо покачал головой:

— Эх, измельчал народ, погряз во грехе... Некоторые товарищи преклонного возраста напрочь позабыли заветы Великого Кормчего. Политическая сознательность на нуле, сердца очерствели, головы забиты махровыми феодальными пережитками. Сущие вредители на пути социалистического строительства...

Юноша многозначительно замолчал, оставив финал фразы на усмотрение притихшей публики.

Ли Инъань открывал и закрывал рот, точно вытасенный на берег карась. Припасённая им

тирада о «распущенной молодёжи» застряла в горле.

Его сморщенная физиономия налилась густым свекольным цветом, а крестьяне лишь притихли, не решаясь встрять. Против партийных лозунгов и цитат Мао не попрёшь — тут и под трибунал загреметь недолго.

Хань Дуй гордо вскинул подбородок и увёл сестру за собой, оставив посрамлённого врага глотать придорожную пыль.

Золотое правило великого спорщика Хань Дуйдуня гласило: клин клином вышибают. Ступай по чужой дороге так, чтобы хозяину этой дороги негде было развернуться.

<http://bllate.org/book/19655/1951365>